

МАРИЯ
ТОКАРЕВА

Тринадцатый Проклятый

РАЗРУШИТЕЛЬ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т51

Мария Токарева
ТРИНАДЦАТЫЙ ПРОКЛЯТЫЙ. РАЗРУШИТЕЛЬ

Любое использование материалов данной книги, полностью
или частично, без разрешения правообладателя запрещается

Иллюстрация на переплете *Яны Слепцовой*

Дизайн переплета *Ольги Жуковой*

Токарева, Мария Юрьевна.

Т51 Тринадцатый Проклятый. Разрушитель / Мария Токарева. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 416 с. — (Герои других миров).

ISBN 978-5-17-185099-9

Маски постепенно слетают и роли меняются: раскрывается многовековая ложь о падении Бенаама, все громче голос утраченной памяти Сумеречного Эльфа. Правда о чудовищных экспериментах и роковых ошибках зовет из глубины веков.

Жертвы войны асуров и суров требуют возмездия и справедливости, а любовь больше не согревает и не спасает, становясь лишь новой пыткой для неудавшегося Стража Вселенной.

Его силы уже недостаточно, тьма сковывает сердце, а явление Разрушителя Вселенной все ближе. Или это только страшное пророчество? Но, кажется, конец света неизбежен. Ведь в этом мире нет места чудесам...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Токарева Мария, текст и иллюстрация
на форзаце, 2026
ISBN 978-5-17-185099-9 © ООО «Издательство АСТ», оформление, 2026

Глава 15

ЛАБИРИНТЫ МЕЖДУ МИРАМИ

15.1

Из дневника Эленор. Земля, Москва, 2025 год

Он снова ушел. Спасать миры?

Ему всегда нужна цель, он не мог иначе. А цели ему Митрий как будто и не дал. Вроде изначально создавал для борьбы с асурами, но асуры все там же. И бороться с ними последний Страж не может из-за черных линий. Бенаам закрыт для него. А сила-то есть!

Поэтому он и согласился пойти с Митрием сражаться с Двенадцатым Проклятым. А когда узнал, что в мирах Змея Хаоса через много веков возродился сам Белый Дракон, то немедленно отправился искать его в проклятом граде Вермело. Это высшая цель, долг перед Вселенной, даже если по натуре он — ранимый музыкант. Мне кажется, лишишь он силы, он бы устроился в школу искусств*

* Подробнее о событиях в дилогии «Град разбитых надежд».

6 МАРИЯ ТОКАРЕВА

преподавателем или стал бы концертирующим организмом. А может, собрал бы свою рок-группу, и я была бы у них бухгалтером. Это звучит мило и недостижимо... Все для него, да.

Он всегда знал, что у него есть я. Я, которую можно оставить одну, потому что справлюсь и без него. Сама. Всегда справлялась. Справляться — это не значит быть счастливой. Да, я могу жить в одиночестве. Но мне нравится он со всеми его странностями и недостатками. Нравится быть с ним. Я люблю его. Я хочу быть с ним! Избавиться бы от проклятий и цепей долга, которые разделяют нас.

* * *

Интерлюдия. Лавка Змея Хаоса.

Где-то в лабиринтах междумирья...

В его скромном уголке вечности царит не порядок, а текучий хаос: лавка не имеет постоянной формы. Стоит отвлечься на секунду — и резной готический сервант превращается в бамбуковую этажерку, а бархатный стул вдруг становится похож на поросший мхом пенёк.

Змей Хаоса с иронией обводит взглядом свои вечно меняющиеся владения. Он сидит за массивным столом, который за время беседы с посетителем уже успел побыть дубовым, мраморным и, на мгновение, вырезанным из цельного куска льда.

«Все меняется, но остается неизменным в повторенном закольцованном времени черной дыры», — думает Змей Хаоса, но его размышления прерывает Сумеречный Эльф, нервно переставляя фигуру на шахматной доске. Доска, кстати, тоже непостоянна: деревянные черно-белые клетки то сливаются в зеленую гладь дорогого нефрита, то про-

растают миниатюрными живыми изгородами, то превращаются в нарисованные квадратики на тетрадном листе.

— Она... она заговорила о детях! И я сбежал... — бормочет Сумеречный Эльф. — Я должен быть рядом с Эленор!

— А вместо этого играешь в шахматы со стариком, — усмехается Змей, двигая «слона». Он постоянно жульничает, но проигрывает.

— Она отправила меня спасать мир, а я не знаю, как его спасти. Я не могу пробиться в Бенаам, не могу вытащить Митрия.

— Или не хочешь. Никто из вас не хочет. Потому что он не делал ничего, чтобы помочь Бенааму или вам. Помнишь пытки? Ты подсознательно не хочешь его вытаскивать. И зачем он вам вообще?

— Возможно, не хочу... Но мне кажется, он как-то сдерживал мою тьму!

— Самоубеждение. В Вермело ты пришел без Митрия. Он, кажется, сказал, что спасать закрытые Миры Змея Хаоса смысла не имеет? Мол, там все погибло. Но ты сражался против меня вместе с Белым Драконом, — иронично тянет Змей, мечтательно глядя через витрину на яблоневый сад.

— Но это все неправильно! Митрий — мой учитель, — виновато и даже слишком по-детски отзывается Сумеречный Эльф и тут же отрезает: — К Эленор это не имеет отношения. Она... я не могу причинить ей вред! Я и так слишком долго отсутствовал. А теперь, получается, мое присутствие пьет ее жизненную силу.

— Да, незадача. Это же проклятье Алмазов и Ключей?

— Как оказалось, да. Теперь я точно в этом уверен, — горько усмехается Сумеречный Эльф, сдвигая очередную шахматную фигуру. — Асуры в заточении сделали из меня Ключ. А Митрий сделал из предков Эленор хранителей Ал-

маза. Я видел уже попытки создать Ключи в других мирах — при столкновении с Алмазами-нейтрализаторами им тоже становилось плохо. Да и Ключам рядом друг с другом довольно... некомфортно.

— Как так? — притворно удивляется Змей.

— Либо хочется прибить, либо вы становитесь лучшими друзьями.

Змей улыбается. Его пальцы лениво водят по резной поверхности шахматной фигурки, королевы, которая на мгновение становится теплой и пульсирующей, точно вырванное сердце.

— И как работают эти ваши Ключи и Алмазы? — нарочито сонно интересуется Змей. — Я должен волноваться?

— Можешь волноваться или нет, но это, скорее всего, рано или поздно случится, — мрачно отвечает Сумеречный Эльф. — Для открытия портала к твоей уютной лавочке асурам Бенаама нужно пройти через Землю. Верховные асуры слишком велики в своей истинной форме, чтобы выйти из Бенаама, относительно мелкие порталы могут открыть только Вороны.

— А! Понял. То есть на Землю высшие асуры Бенаама попадают в образе проекции, — радуется Змей, и стены лавки на мгновение отзываются эхом его довольного шипения. — Вот как я, старый антиквар, иногда появляюсь со своей лавкой.

— И это неправильно! — недовольно замечает Сумеречный Эльф. — Хватит продавать опасные артефакты простым людям!

— Да я так... за их мелкие грешки продаю им проклятые побрякушки, — отмахивается Змей, делая вид, что рассматривает узоры на потолке, который в этот миг напоминает

ночное небо с вязью созвездий. — Но ты отвлекся. Что там с Ключами?

— Четыре Ключа Асуров, условно названные Войной, Чумой, Голодом и Смертью, — устало перечисляет Сумеречный Эльф, загибая для наглядности пальцы. — Из них собирается гигантский портал, через который Нираш и Раат смогут вылезти в истинной форме. И прорваться к тебе, попутно поглотив Землю. Они спрятали Ключи и, кажется, потеряли их. Как и Митрий свои Алмазы. Плюс некоторые Ключи разрушились, так что асуры создали их заново.

— А зачем асурам вообще все это надо? — с искренним любопытством спрашивает Змей, наклоняясь вперед. Его стул тихо скрипит, превращаясь из венского с витой спинкой в офисный на колесиках, а потом и вовсе в кресло-качалку.

— Сначала я думал, что они просто хотят власти над Вселенной, — говорит Сумеречный Эльф. — А потом узнал, что они... они чего-то боятся. Пришествия какого-то опасного существа. Есть еще древние асуры?

— Вроде бы нет. Нет больше никого, способного напугать Раата. М-да! Значит, сожрать меня хотят... Ключи, порталы... Какие интересные придумки у моих коллег из Бенаама. Раат всегда был затейником, — с легкой завистью смеется Змей. — А я-то всего лишь играл одним маленьким городом, питаюсь энергией гаввах, что исходила от Вермело.

Змей скромно опускает глаза, но весь его образ старого антиквара — лишь изысканная маска, которая не обманет гостя. Сумеречный Эльф слишком хорошо его знает. В конце концов, это он построил это место для содержания великого зла, которое даже Смерть не приняла в свои чертоги.

— Да-да, и только защитные башни белых линий от инженеров-медиумов тебя остановили. И то не совсем, — с укором напоминает Сумеречный Эльф.

— Ну, так город сам себя пожирал. Я лишь наблюдал. И питался.

— Хорошо, что Белый Дракон все-таки пробудился. И теперь ты сидишь здесь, — вздыхает Сумеречный Эльф и, проведя нехитрую комбинацию, опять ставит шах королю черных фигур, которыми неизменно играет Змей. Шах, но пока не мат.

— Сижу и гляжу на яблоневый сад, где гуляет моя дочь. — Змей с тоской смотрит на витрину, за которой простирался идиллический солнечный пейзаж. — А где моя жена, я по сей день не знаю. Говорят, в мире людей, а в каком из... в Зорэме* или на Земле?

— В одном из времен, в одном из воплощений. Ты не думал, что она сбегала, потому что сто раз просила не жрать миры почему зря? — Сумеречный Эльф недовольно хмыкает, и это уже по-настоящему задает Змея. — А ты не послушал! Тебе интереснее было биться с Раатом! Пусть она и не самый древний асур, но она была мудрее вас, древних.

— Непостоянная безумная сущность, надо сказать. — Змей качает головой. — Решила уйти от меня, древнейшего асура, к смертному? И что получила? Я видел всех ее мужей! Все они — какое там сейчас модное слово? — были абыюзерами! Сколько раз и в скольких воплощениях она пыталась доказать мне, что род человеческий не прогнил? Сколько раз ее уже убивали, сколько раз она уже перерождалась? — Он вздыхает, разглядывая шахматную доску, понимая, что королю опять некуда деваться. — Таковая уж наша асурская и сурская природа... реинкарнации, воплощения. Сансара.

* Познакомиться с этим миром можно в сборниках рассказов «Фонарь Джека. 31 история для темных вечеров» и «Ледяная ночь. 31 история для жутких вечеров».

Могу сказать одно: сур Белый Дракон обрел окончательную форму. И я, очевидно, тоже... Давным-давно я был Змеем Хаоса. Но теперь... я старый антиквар. Который сидит в предместьях владений Смерти.

Картина за витриной вдруг меняется, как кадр в киноленте. Идиллический сад исчезает, и вместо него предстает место вечного тумана, среди которого отчетливо видны лишь очертания гигантской серой птицы. Из-под ее перьев вылетела метель лютой стужи, и даже сквозь стекло веет леденящим холодом небытия.

Воздух в лавке, только что бывший текучим и многоголосым, вдруг застывает, будто превращаясь в хрустальное крошево. Или это не снег?

О, да это стекло в окне на двери с треском разбивается! Дверь с грохотом открывается, и на пороге, окутанный клубами едкого дыма, возникает... Демьян. Его глаза пылают одержимостью, а пальцы сжимают клинок из грубых черных линий. На плече его ухаает сова.

— Нет, ну ты посмотри, какой наглый! — говорит Змей, и его голос звучит как скрип веток старого дерева. — Третий раз за неделю спать мешает. А теперь еще и не дает в шахматы поиграть!

— Ты все равно проигрывал, — фыркает Сумеречный Эльф, с тревогой глядя на Демьяна.

— Беспор-р-рядок! — оживляется Коко, готовый в любой миг из чучела какапо превратиться в грозное оружие.

— Пропусти к Смерти, старик! — угрожающе требует Демьян, и его голос похож на лай огромной собаки. — Я знаю, что через твою лавку можно попасть в ее владения. А у нее ключ от всех миров.

Взмахнув рукой, он посылает в сторону Змея сгусток звенящей тьмы, который с хрустом ломает геометрию про-

странства на своем пути. Со звоном выпадают стекла витрин, разбиваются фарфоровые балерины, опрокидывается глобус с Хрустальным Городом по центру.

Но лавка — часть самого Змея, его запертая и вывернутая наизнанку сущность. Пол под ногами Демьяна внезапно превращается в зыбучие пески, затягивая его по колено.

— Я получу ключ от всех миров! Или Алмаз Мира! — яростно выкрикивает Демьян, разрывая пути черными линиями.

— Алмаз Мира не открывает портал сам по себе, идиотина! — восклицает Сумеречный Эльф, вскакивая с места.

— Что-то он делает, я чувствую! И получу его! — уже чуть менее уверенно говорит Демьян.

— Не смей трогать Эленор!

Сумеречный Эльф метает сгусток энергии, но Демьян уклоняется со скоростью сверхзвуковой ракеты. Он не готов принять этот бой. Умный мальчишка: понимает, что лучше не связываться напрямую со Стражем Вселенной, а вот «старому антиквару» можно понадоедать.

Демьян резко разворачивается и, разорвав ткань реальности, ныряет в образовавшуюся щель. Портал захлопывается, и в лавке воцаряется тишина.

— Куда он пошел? — отрешенно тянет Змей.

— Эленор... Снова в опасности! — охает Сумеречный Эльф и опрометью кидается прочь.

Змей остается один в своем убежище. В своей тюрьме. Признаться, ему даже нравится, когда кто-то нарушает его покой. Это позволяет ощущать себя живым. Настолько живым, насколько живы все, в чьи окна постоянно смотрит гигантская серая птица Смерть.

— Ну вот... Хотя партию выиграть не удалось, но сувенир появился занятный. — Змей Хаоса раздраженно щелкает

пальцами. На столе, где недавно стояла шахматная доска, теперь появляется маленькая изящная ваза с трещиной. Внутри нее мечется и бьется миниатюрная черная фигурка, вырезанная из оникса. Очень похожая на Демьяна.

15.2

Земля, Москва, 2025 год

Тишина библиотеки на Зеркале Измерения всегда ощущалась по-особенному. Это был покой, который хранился в переплетах старых фолиантов. В воздухе витал отголосок древней магии создателей этого места.

До недавних пор Эленор была одной из хранительниц этих владений. Но после убийства Маргариты передала эту ношу Лике. Но ничто не мешало посещать библиотеку, особенно когда Эленор искала информацию про Алмазы и Ключи. Возможно, Митрий потерял где-то не только хранителей Алмазов, но заодно и инструкцию по нейтрализации проклятья. А вот если бы в одной из книг нашелся простой рецепт...

Например, для нейтрализации требовалось прийти вместе в ночь первого летнего полнолуния к подножью Эвереста и прокричать три раза: «Проклятье, уходи!» — и после этого ничто не помешало бы быть рядом с Сумеречным Эльфом. Ничто... кроме его тьмы. Но, возможно, и она была частью Ключа. Хотя Эленор не верила в такие простые решения.

Она осторожно скользила между тяжелыми дубовыми стеллажами, ее пальцы с любовью проводили по кожаным корешкам. Вскоре она выбрала несколько старинных книг, погрузившись в чтение. Именно поэтому не сразу почувствовала подвох: легкую рябь на поверхности сонной реальности

Зеркала Измерения, заметное искажение привычных проходов между шкафами. Но когда она это осознала, было уже поздно.

Эленор свернула за угол, где должен был находиться читальный зал, и замерла: вместо него зияла бесконечная анфилада арок. Эленор резко обернулась — знакомый коридор исчез, его сменил лабиринт из неестественно гигантских книжных полок, которые с жутким скрипом медленно сдвигались, угрожая раздавить. Ловушка! Крайне искусная иллюзия, сотканная из магии самого Зеркала.

— Демьян, — прошептала Эленор. И тут же из теней перед ей всплыл силуэт. Не настоящий дурной мальчишка, а дымная призрачная проекция.

— Алмаз, — прозвучал его голос. — Отдай, и я тебя отпущу.

— У меня его нет! — крикнула Эленор, отступая и натываясь спиной на полку. Она ведь и правда не представляла, как использовать артефакт. В день гибели родителей он перетек из мертвого тела в живое — это все, что она понимала.

— Врешь!

Пол ушел из-под ног, и Эленор рухнула в пропасть, заполненную летящими страницами, на которых отражались самые ужасные моменты из ее жизни. Она снова увидела день гибели родителей, тяжелые битвы в Измерении, искаженные лица друзей, пустые глаза Сумеречного Эльфа в фазе тьмы.

Эленор потянулась за складным мечом. Но что можно проткнуть мечом? Призраков? Тени? Тогда взгляд упал на одну из пролетающих мимо страниц, не иллюзию, а точную копию листов из книги с крупными историями Бенаама. Книги, которую она держала в руках всего неделю назад.

И она помнила! Помнила, что в оригинале здесь был едва заметный след от чернил.

Воспоминание стало якорем: иллюзия не могла существовать без реального мира. Значит, настоящая библиотека оставалась на месте.

«Три шага вперед, поворот налево... здесь должны быть каталоги». — Эленор прекрасно знала все помещения своей прошлой работы.

И случилось невероятное. Там, где секунду назад виднелась стена из черных линий, возник призрачный, но устойчивый контур старого дубового стеллажа. Он мерцал, как мираж, но не исчезал. Реальность прорвалась через иллюзию.

«Белые линии... Я все еще умею ими управлять! Даже в этом странном месте», — решила Эленор. Она выхватила меч, но не стала размахивать им. Вместо этого она сосредоточилась, направляя лезвием свою память. Кончик меча начал слабо светиться, и от него потянулись почти невидимые белые нити.

— Довольно игр! — прорычал Демьян.

Лабиринт содрогнулся. Книги с полок превратились в стаю воронов с бумажными крыльями и острыми клювами. Они с жутким граем ринулись на Эленор. Она же открыла глаза и, не прекращая плести сеть из белых линий, начала отбиваться мечом, мысленно концентрируясь на образах из реального мира на Зеркале Измерения: читальный зал, крупный глобус, стеллаж с каталогами, карта Бенаама в витрине.

Эленор кинулась туда, где, казалось, ничего не стояло. Но лишь в иллюзии: один из теневых воронов врезался в незримую преграду. Значит, именно там располагалась стеклянная витрина с картой. Тогда Эленор кинулась дальше, вперед, хотя иллюзия показывала перед ней пропасть — ко-

ридор обрывался пустотой. Но стоило сделать шаг — и проступил знакомый наборный паркет, а впереди маячила не бесконечная колоннада, а стена, в которую влетели пронесшиеся над головой вороны, когда Эленор пригнулась.

«Здесь арка, а должна быть дверь в охраняемую секцию, которая открывается заклинанием-руной», — вспомнила Эленор.

Она легонько взмахнула светящимся кончиком меча, выводя в пространстве знакомый символ. Иллюзорная арка перед ней дрогнула и рассыпалась, как дым, обнажив за собой массивную дубовую дверь с вырезанной на ней руной.

Иллюзия трещала по швам, не выдерживая напора воли. С криком бессильной ярости тень Демьяна распалась. Лабиринт рухнул, как декорация из черного стекла.

Эленор стояла, тяжело дыша, в самом центре знакомого читального зала. Лишь легкая рябь в воздухе да растрепанные волосы напоминали о только что пережитом кошмаре.

Она опустила меч, настороженно озираясь: Демьян мог быть еще где-то рядом. Но, казалось, кто-то отвлек его...

* * *

Эленор! Сумеречный Эльф рванулся в сторону Земли, разрывая пространство. Всезнание, этот проклятый дар, рисовало ему десятки возможных сценариев, и в каждом из них она умирала. Или почти в каждом.

«Нельзя оставлять ее! — Его внутренний монолог был сдавленным, яростным рыком. — Не миры надо спасать, а Эленор! Эленор... ты единственное светлое, что есть в моей жизни! Последний смысл бороться с тьмой!»

Сумеречный Эльф ворвался в библиотеку на Зеркале как раз в тот момент, когда картина кошмара, сотканная Демья-

ном, рассыпалась в прах. Он увидел Эленор — бледную, дрожащую, но живую и невредимую. И увидел еще одно... существо.

Алистер. Верховный Ворон. Он застыл над сгорбленной фигурой Демьяна. Лицо Ворона было искажено безличной яростью слуги, уничтожающего угрозу. Лорд Нираш велел забрать Алмаз Жизни, а какой-то киллер Озимого пытался спутать все карты.

«Если он убьет Демьяна, случится что-то непоправимое», — отчетливо и ярко ощутил Сумеречный Эльф.

Живые черные линии, тяжелые и безжалостные, как удавки, уже сжимались вокруг горла юноши. Алистер не знал пощады.

— Стой! — закричал Сумеречный Эльф.

— Не мешай мне, — прорычал Алистер.

И в этот миг с Демьяном произошла перемена. Под страхом неминуемой смерти его собственная, дикая и необузданная сила, похожая на силу Ворона, вырвалась на свободу. Не изящные линии Алистера, подобные траурным лентам, а грубые шипы тьмы взметнулись вокруг него, точно иголки ежа. В его глазах, полыхнувших алым, на мгновение мелькнуло нечто древнее и дикое, что заставило Алистера замереть. В его собственном взгляде вспыхнула тень сомнения. Но только на миг. Еще одно движение «траурных лент» — и сердце Демьяна могло перестать биться.

— Не убивай! — Крик вырвался из самой расколотой души Сумеречного Эльфа, когда он бросился наперерез, оказавшись между Алистером и Демьяном.

«Траурные ленты» и «иголки» сокрушительно впились в его призрачное тело, нарушая энергетический контур черно-белых линий, — в грудь, в спину, в ноги, в голову. По-